

УРОК 3

ЯЗЫЧЕСТВО КАК ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ ПРОЦЕСС. ПРАОТКРОВЕНИЕ.

Моменты сходства между религией богооткровенной и религиями языческими могут быть объяснены еще и тем, что и в язычестве было всегда скрыто зерно истины. Язычество нельзя рассматривать, как явление, ни в каком отношении к истинной вере не находящееся. И в язычестве “**совершался положительный религиозный процесс**”. И это понятно. Хотя языческим народам и предоставлено было “ходить собственными путями” (Деян. 14, 16), однако Бог и им “не переставал свидетельствовать о Себе” (Деян. 14, 17). И в язычестве “люди искали Бога, не ощутят ли и не найдут ли” (Деян. 17,27). Некоторые исследователи считают, что язычество, за исключением отдельных и ограниченных эпох и общественных групп, отличается “напряженной религиозностью, которая волнует и прямо поражает при соприкосновении с ним”. В сердцах язычников всегда оставалось “написанным дело законное”, “спослушующей им совести” (Рим. 2,15), возвещавшей им о нравственных обязанностях их к Богу, к себе и ближним. Бог открывал Себя и язычникам, в меру их разумения. Господь от начала рассеял повсюду семена Божественного Логоса.

Св. Иустин Философ говорит, что Логос действовал не только “через Сократа, среди эллинов”, но и “среди варварских народов”. “У всех есть семена Истины”. «Христос есть Слово, Коему причастен весь род человеческий. Те, которые жили согласно со Словом, суть христиане, хотя бы они считались за безбожников, — таковы между эллинами Сократ, Гераклит и им подобные». “Во всяком народе, — говорит св. Иустин, — веруют во Христа и ожидают Его”. “Слово было искони, — читаем в послании к Диогнету, — но явилось в последнее время; оказалось древним и всегда снова рождается в сердцах святых”.

Климент Александрийский, говоря о водительстве Промысла в истории язычников утверждает, что ангелы пасут народы (срав.: Втор. 32, 8 по перев. ХХ). Потому и язычники не чужды были истины и подготавливались к ней. Теперь, — говорит Климент, — даровал грекам их философию, как ступень к “философии во Христе”, — она служила для них своего рода Ветхим Заветом “. Самому непримиримому из христианских апологетов

Тертуллиану принадлежит известное выражение, что душе человека * “по природе (naturaliter) христианка. “Учение христианское, — говорит **св. Григорий Богослов**, — вместе и древнее, и новое”, — выражая этой фразой мысль о том, что и в язычестве теплилась истина, в полноте возвышенная христианством. Слово, по учению **св.**

Афанасия Великого, всем управляет и все объединяет; Оно заботится о язычниках прежде Своего воплощения; Оно не попускает и язычникам “являться вовсе не причастными ведения о Боге”; даже иудейские закон и пророки были даны не для одних иудеев, а “для всей вселенной служили священным училищем ведения о Боге и внутренней жизни”. **Евсевий Кесарийский** пишет обширное специальное сочинение “Евангельское приготовление”, самым названием своим показывающее, что писатель смотрит на прошедшую дохристианскую историю как на приготовление к явлению всеобщей евангельской истины”.

Мысль древних христианских писателей о том, что и в язычестве происходил некоторый положительный религиозный процесс, неоднократно высказывалась и после философами и историками религий различных направлений. Так, в начале XIX столетия **Фридрих Шеллинг**, в своих сочинениях “Философия мифологии” и “Философия откровения”, утверждал, что в языческих религиях и их мифологиях должно видеть подлинное откровение, лишь на его низших ступенях. Сходные мысли высказывали наши мыслители **Вл. Соловьев, С.Н. Трубецкой, Вячеслав Иванов** и др. “Христианство подготавлилось

не только в иудействе, но и в язычестве”, — пишет **С.Н. Булгаков**. Повторяя слова Климента Александрийского, **проф. Ф.Ф.Зелинский**, глубокий знаток античного мира, говорит: “Античная религия — настоящий Ветхий Завет нашего христианства”. “Реальный мир, — говорит немецкий ученый-библеист **Иоахим Иеремиас**, — в который вступило откровение Бога во Христе, не был богооставленным. Водительство Божие, направленное к искуплению, не ограничивалось религиозным развитием внутри Израиля, Бог предоставил людям идти своими путями, но был недалек от каждого из них”. Недаром древняя иконография допускала изображения языческих писателей классической древности среди пророков в притворах храмов, даже на подножиях иконостасов; например, в Московских: Успенском и Благовещенском соборах, в Афонском Иверском монастыре, а так же иконописных подлинниках этой чести удостаиваются Орфей, Гомер, Солон, Пифагор, Аристотель, Цицерон, Сенека и др., “иже от части пророчествоваху о вышнем Божестве и о Рождестве Христове от Пречистыя Богородицы...”

К этому книга Бытия добавляет, что первые люди были научены от Бога всем важнейшим религиозным истинам.

Еще на заре человеческой истории всем людям было возвещено радостное и утешительное обетование о Семени Жены, Которое сотрет главу змия и победит сатану и его царство. (Быт. 3,15). Об этом блаженном времени, когда люди стояли ближе к Божеству, не редко вспоминало человечество в своих преданиях. Вглубь веков к первоначальной своей истории люди переносят свою идеализацию жизни, свои воспоминания о временах лучших, о золотом веке на земле. В комментарии к Брахмасутрам истолкователя брахманизма Шанкары есть такое место: “Передают, что иные из древних находились в общении с богами и пророками, сообразно с их выдающимися заслугами, даже видимо вступали в общение с богами и пророками”. Историки религий называют эту отдаленнейшую эпоху истории человечества временем праоткровения. **Идея праоткровения** признается целым рядом выдающихся современных религиозных мыслителей и историков религий. “Первобытные откровения находят всюду, — говорит Эд. Леруа, — у колыбели человечества; на протяжении веков оно передается всем людям хотя бы в скрытой и потенциальной форме. Мессианские упования, всеобщие ожидания не ограничивалось народом избранным, а существовало в той или иной форме повсюду, почему Обетованный стал чаянием языков”.

В 1911 году Вильгельм Шмидт выпускает капитальный труд под названием “Uroffenbarung ans Anfang der Offenbarung Gotbes” (Праоткровение, как начало Откровения Божия), в котором, на основании множества данных исторических, археологических, филологических и, главным образом, этнографических, доказывает наличие “Праоткровения” у народов всех стран и времен. Современный ученый Mainage в своей книге о религии времени палеолита утверждает, что “возможность Божественного Откровения для первобытного человека остается в неприкосновенной силе”. По словам другого ученого венского проф. Betha первобытное Божественное Откровение есть “религия во всех религиях” (die Religion in alien Religionen), и оно “создает религии на протяжении веков”. То, к чему пришла научная мысль наших дней, в свое время проникновенно и сильно выразил **митрополит Филарет** (Дроздов) в следующих словах: “Древнее и ветхозаветное человечество жило именно остатками в своей природе эдемского духовного света первобытной райской жизни, — остатками, впрочем, истощавшимися у грешных людей с продолжением времен. Языческие древнейшие творения, например, Илиада и Одиссея Гомерова, или индийские поэты незапамятных времен поражают нас отнюдь не ребячеством, а каким-то духовным величием древнего патриархального человека. Чем ближе был человек к пребыванию своему в Эдеме, тем обильнее и живее были в нем остатки эдемской жизни, в которой он одушевлялся духом из уст Божиих, и первобытного духовного света, в котором так ясно и ощутительно выражались для него во всем творении творческие глаголы ...”.

Таким образом, если и можно найти какое-либо сходство между языческими верованиями и догматами богоот-кровенной религии, (например, **в учении о Божестве, в чувстве греховности и потребности примирения с Богом, в наличии жертвенных культов, включительно до идеи Спасителя всех людей**), то это сходство вполне может быть объяснено тем, что и в языческих религиях жила искра истины, хранились остатки первобытного Божественного Откровения. “В язычестве, — говорит **прот. Сергей Булгаков**, — усилие человека прорваться до Бога были напряженней и отчаянней, чем в иудействе где была воздвигнута лестница Иаковля. Недаром обнаружилось в полноту времени, что язычники оказались более готовы для принятия Христа, чем иудеи, ибо больше Его жаждали и ждали: блудный сын уже давно тосковал и томился по родном доме”. “Сына Божия, — пишет **Ф.Ф. Зелинский**, — искала античность во все время своего существования; она находила его поочередно в Геракле, Аполлоне, Александре Великом, Птолемея Спасителе, Августе, но успокоилась лишь тогда когда нашла Его в Иисусе. Его она восприняла всеми фибрами своей жаждущей души...”.

Основные различия между язычеством и христианством.

Натурализм язычества и сверхъестественность христианства. Вопрос об элементах натурализма в христианстве.

До сих пор мы говорили лишь о том, чем может быть объяснено некоторое сходство между религиями языческими и христианством. Методика сравнительно-исторического исследования требует, чтобы “из-за сходства не были оставляемы в тени различия между сходными явлениями”. Вещи часто бывают похожи друг на друга, когда мы смотрим на них издали; но стоит на них взглянуть вблизи, как это сходство оказывается призрачным. “Иней, покрывающий зимой стекла, часто принимает вид богатой растительности, но под увеличительным стеклом обман исчезает: нет ни клеточки ткани, ни жизни, — глаз видит только внешним образом связанные кристаллы и окаменелости смерти”.

Есть сходство между человеком и животным; чисто логически и химически, говорят, нет почти никакой разницы между организмами человека и свиньи. Однако, о чем может свидетельствовать это сходство?

Обращаясь к ближайшему рассмотрению сходства моментов между христианством и язычеством мы видим, что представители мифологической школы, подчеркивая эти моменты сходства и собирая самым тщательным образом все то, что хотя от части может подтвердить тезис о происхождении христианства из язычества, совершенно оставляют без внимания то глубочайшее различие, какое **по существу** лежит между христианством и язычеством.

Хотя, как мы сказали, и в язычестве дохристианском происходил некоторый положительный религиозный процесс, однако язычники далеко не знали истины во всей ее полноте. Неточно, затемнённо и извращённо открывались язычеству религиозные истины. В язычестве ничего нельзя найти в чистом и неискаженном виде, без преломления через многие призмы. По словам св. Ап. Павла, *язычники истину содержали в неправде* (Рим. 1,18). Остатки первобытного Божественного Откровения, хранившиеся в язычестве, были смешаны с грубыми и дикими суевериями и вымыслами. Первоевангелие омрачилось в сознании человечества. Поэтому и та доля истины, которая была в языческих религиях, является искаженной и обезображенной во многих случаях до неузнаваемости.

Чтобы убедиться в этом, обратим внимание на то, что является наиболее характерным для языческого мирозерцания, что отличает языческие религии, по существу, от религии христианской.

Натурализм язычества и сверхъестественность христианства.

Проф. Телле говорит, что всякую религию характеризуют ее воззрение на отношение между Богом и человеком, а так же между Богом и миром. Связь человека с Божеством выступает в религиях с различным характером. В одних религиях эта связь чисто природная, естественная, досознательная и необходимая, в других она выступает, напротив, как связь разумно-сознательная, свободная, и связь чисто природная заменяется здесь связью свободно-нравственной. И с этой точки зрения историки религий дают такую их классификацию: религии первого рода они называют **естественными (натуралистическими)**.

Религии второго рода -**сверхъестественными (супранатуралистическими)**, или этическими. К последним относят религию древнееврейскую и христианскую; к первым все остальные.

Отсюда, сущностью языческого религиозного мировоззрения является натурализм, космизм в широком смысле слова. Язычество есть обоготворение природы, ее сил и явлений, бытия конечного и ограниченного. Божеством языческих религий были силы и стихии космического порядка. Религиозные представления язычников все и всецело привязаны к потоку явлений природы и человеческой жизни, и не возвышаются над миром видимым. Своих богов ищет древний человек среди того же мира, где живет. Человек является полным рабом природы. Натуралистический характер язычества ясно отмечает св. ап. Павел, говоря, что язычники *“заменяли истину Божию ложью и поклонялись и служили твари вместо Творца”* (Рим. 1, 2). Даже в лице лучших своих представителей, языческий мир не мог преодолеть натурализма. Совершеннейшие философские системы языческой древности не содержали в себе достаточной силы, чтобы окончательно порвать с почвой натурализма. Душа язычника не могла *“вырваться из рокового воспаленного круга бывания, чтобы достичь чистого бытия”*.

Но есть ли здесь что-либо общее с христианством? Образ Христа Спасителя чужд всякого натуралистического элемента. Ни в одном из новозаветных писаний не говорится, что Христос — природная сила мира. Христиане, на всем протяжении истории, всегда строго отличали Бога и Мессию от природы и ее явлений. Образ Христа никогда не вовлекается в жизнь природы; ему совершенно чужды все натуралистические черты. Во Христе всякая связь с натурализмом порывается. Это отмечается в качестве отличительного признака христианства даже теми учеными, которые видят в нем лишь своеобразную синкретическую религию. Так, проф. Гунсель, утверждая, что основой учения ап. Павла о Христе был языческий образ умирающего и воскресающего божества, замечает: *“Но и теперь уже мы можем сказать, что новозаветный образ Христа, несмотря на все свое формальное родство с языческими мифами, по содержанию высоко поднимается над всеми ими: вся толпа натуралистических богов-героев, бывших только идеалами природного, чувственно -эгоистического человечества, должна была отступить пред одним Господом и Сыном Божиим, идеалом нравственного человека, идеалом свободного послушания и любви. Пусть сравнят Христа Павлова и Иоаннова с Митрой или Ахура Маздой зороастрийцев, чтобы признать справедливость этого положения...”*.

Представители мифологической школы, как мы видели, выдвигают утверждение, что и христианство является одной из натуралистических религий, что и в лице Христа мы почитаем одну из стихий природы. Так, по Древшу, Христос есть не более, как древне-ефраимский бог солнца, более или менее тождественный с божествами религий передний Азии и Индии, Митрой, Адонисом, Агни; то же утверждает А. Немоевский и другие *dii mīnōges* современной мифологии.

При оценке данного рассуждения мы должны иметь в виду, прежде всего, что Древш со своими единомышленниками в подтверждение своего тезиса никаких доказательств не приводит, а если и приводят, то эти *“доказательства”* лишь поражают своей наивностью и предвзятостью. Затем мифологи забывают тот факт, безусловно, достоверный, что древние христиане, как это можно видеть из всех дошедших до нас памятников христианской письменности, всем своим существом отрицали возможность

обожевления твари, хотя бы и в виде столь блестящего и важного светила для нашей жизни, как солнце. В памятниках древнехристианской письменности нет даже намека на какое-либо поклонение солнцу или другими стихиям и силам природы. Напротив, христианские апологеты говорят язычникам: “Поклоняться стихиям я и сам не буду и других склонять не стану к этому”; “Божественный закон запрещает нам поклоняться не только идолам, но и стихиям: солнцу, луне, звездам... Только Единому Богу и Творцу вселенной мы должны поклоняться”.

Во времена Тертуллиана некоторые говорили, что христианский Бог есть солнце, основываясь на том, что во время молитвы христиане обращаются к востоку, — христианский апологет склонен смеяться над этим, и восстает против всякой попытки усматривать какую-либо связь между христианством и язычеством. Св. Афанасий Великий говорит, что истинными богами не могут быть ни солнце, ни луна, ни другая какая часть твари, — служение им и обоготворение их есть внушение не благочестия, а безбожия и всякого злочестия. Замечательно, что император Юлиан Отступник в основании своей религии полагал культ солнца и себя считал служителем “Царя — Гелиоса”, — однако, он стремился искоренить христианство, а христиан называл безбожниками и “нечестивыми галилеянами”. Конечно, он не мог поступать так, если бы в действительности христианство было замаскированным язычеством, и почитание Христа было поклонение богу-солнцу.

Снова мы должны со всей решительностью заявить, что христианство - совершеннейшая духовная религия, ничего общего по существу своему не имеющая с натурализмом языческих религий. “Во Христе, — по справедливому замечанию Шеллинга, — умерло все язычество, вся космическая религия...”.

«Дионис желал спуститься в Аид, но не знал пути. Некто, именем Просимн, обещает указать его, однако, не даром. Плата же, будучи постыдной, устраивает Диониса. Любовным было вознаграждение, платой, о которой шла речь, был сам Дионис. Требование не вызывает возражений у бога, и он обещает Просимну, что рассчитается с ним, если вернется, подтверждая обещание клятвою. (4) Узнав дорогу, ушел. Возвратился назад... Не застаёт Просимна (ведь тот умер). Исполняя «священный» долг перед любовником, спешит к могиле и предается там противоестественной страсти: срезав кое-как ветвь смоковницы, придает ей форму мужского члена и садится на нее, исполняя обязательство перед усопшим. (5) Как мистическое воспоминание о сей страсти по городам воздвигаются фаллосы Дионису». (Климент. Увещевание к язычникам 34, 3-5 [Климент 1998, с.47-48])

Главное религиозное учение, доставшееся римлянам по наследству от этрусков, было **гадание по внутренностям животных и по молниям**. Этим занималась коллегия жрецов- гаруспиков (по всей видимости, от «изучаю, наблюдаю печень»). **Они гадали по печени жертвенных животных**. Археологами найдена бронзовая модель печени овцы — своего рода шпаргалка, разделенная на сорок секторов, соответствующих определенному божеству, воля которого угадывалась по признакам, зависевшим от цвета, формы, размеров часто менявшего форму пирамидального отростка печени и желчи. Печень предоставляла большой простор для выборов того или иного варианта. Реже гаруспики изучали сердце или легкие. Гадание по молниям строилось сходным образом: небосвод делился на шестнадцать частей, восточная приносила благо, а западная — зло. Играло роль то, откуда ударила молния, когда и какой бог ее послал. Место, куда попадала молния, специально огораживалось, на нем делалась памятная надпись, и иногда созидался храм. **Позднее гаруспиции станут органической частью официальной римской религии и удержатся в ней долгое время**. Даже в IV в. н. э. император Константин издаст указ об их запрещении, но вера в гадания еще сохранится, поскольку

аналогичные запреты христианских императоров следовали вплоть до VII в. н. э. . **От этрусков римляне переняли обряд кремации покойных**, основывавшийся на освобождении души от тела, после гибели которого душа освобождалась, и распространившиеся в дальнейшем **гладиаторские игры, игравшие изначально роль ритуальных человеческих жертвоприношений** как часть погребального обряда.

Мифотворчество в языческих религиях и историчность религии Откровения.

Натуралистический характер язычества является основным признаком, отличающим язычество от христианства. Не менее рельефно проявляется своеобразие язычества, в сравнении с христианством, и в других отношениях.

Мышление натуралистической религии, — говорит проф. протоиереи Н.М. Боголюбов, — мифологическое, **мышление религии супранатуралистической — историческое**. Т.к. в натуралистических религиях связь человека, как сказано выше, представляется связью природной, досознательной, то **эти религии не могут сознавать своего происхождения, как совершившийся в определенный момент исторический факт**. Полная истина открывается им лишь в природной области, а потому свое происхождение они не могут приурочить к определенному времени, — это для них событие, прошедшее вне времени и пространства. И в большинстве случаев натуралистические религии не знают своих основателей, как исторических личностей. Начиная свою историческую жизнь, народ уже находит себя связанным религией, как наследством, полученным от доисторических предков. Это — религии или народные, возникшие в результате мифологического творчества, или, хотя и возникшие под влиянием какой-либо личности (Зороастр, Будда), но стремящиеся стереть исторический облик этой личности, исключить ее из области исторических деятелей. Последнего рода религии, даже возникая во свете истории, стремятся окружить себя мраком доисторического прошлого. Таким образом, мифология является отличительной чертой язычества. В противоположность язычеству, **религии супранатуралистические — ветхозаветная иудейская и христианская — живут в сфере сознания и истории**. Свое происхождение они приурочивают к **определенному месту и времени**. Характерную черту в мифологии составляет отсутствие связи описываемых ею лиц с историей. Язычники не считают своих богов историческими личностями. Мифы не знают хронологии, смешивают времена места и лица. **Между тем, проповедники христианства во все времена настаивают на реальном явлении абсолютного Бога, пришедшего на землю в определенное время, в известной исторической обстановке.** Христианские историки точно указывают время и место жизни и деятельности Христа. Евангелисты земную жизнь Спасителя связывают с известными лицами, событиями и местом, которые составляют предмет истории, чего не могло бы быть, если бы авторы Евангелий не были убеждены, что Христос был реальным человеком, жившим в определенное время и в определенном месте. Св. Апостол Иоанн Богослов писал: *“О том, что было от начала что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши..., возвещаем вам”* (Ин. 1, 13; срав. Ин. 1, 14; Откр. 1, 2). Апостолы неоднократно заявляют, что относительно Христа и Его Жизни они являются только свидетелями (Ин. 15, 27; Деян. 1, 8, 21-22; 10, 39-42 и др.). *“Мы не можем не говорить того, что, так видели и слышали”* (Деян. 4,20), — заявлял апостол Петр. У того же апостола мы находим следующие слова, в которых он ясно отличает свою проповедь о Боге воплотившемся от языческих мифов: *“Мы возвестили вам силу и пришествие Господа нашего Иисуса Христа, не хитросплетенным басням последуя, но бывши очевидцами Его величия”* (2 Петр. 1,16).

В проповеди христиан о Боге воплотившемся, явившемся в конкретных случаях земной действительности, и была сила христианства, благодаря которой побледнели

мифологические образы языческих богов, и одно из существеннейших отличий религий христианской от языческой.

Это отличие столь разительно, что признается целым рядом исследователей вовсе не расположенных к христианству.

“Для нас важно восстановить, — пишет атеистический автор А. Б. Ранович, — не столько то общее, что есть между христианством и восточными культами, сколько различия между ними. Важно установить специфику христианства по сравнению с родственными восточными культами. **Эта специфика состоит в учении о воплощении. В культе умирающего и воскресающего бога разница между христианством и всеми прочими религиями заключается в том, что в христианстве этот бог очеловечен, чего нет в культе Озириса, Адониса, Аттиса и др.**” . Даже Ф. Энгельс, который утверждает, что “все христианство, за исключением только последнего заключительного камня, было уже готово” в философии Филона и культе цезарей, говорит, что “этим последним камнем здания христианства было учение **о воплощении сделавшегося человеком Слова** в определенной личности и о **Его искупительной жертве** на кресте для искупления грешного человечества. Каким образом вложен был этот последний камень в стоическо-философские теории, в этом у нас нет действительно достоверных историков... “.

Этический характер христианства и безнравственность языческих религий.

Религии сверхъестественные (древнеиудейскую и христианскую) выше мы назвали религиями **этическими**. В этом новое отличие языческих религий от христианства. Так как природа не знает ни добра, ни зла, то и образы языческих богов бывших олицетворением природных, космических сил, совершенно лишены всякого нравственного достоинства. Многие из языческих легенд о богах являются прямо возмутительными для всякого нравственного чувства. Язычество расслабляюще действовало на нравственное чувство. Д. Робертсон признает, что языческие культы были проникнуты “**духом сексуализма**”. В индийских сказаниях о Кришне говорится, что у этого “бога”, было 8 жен законных и 16.000 незаконных, от которых он имел семейство в 180.000 сыновей, а “подвиги” этого бога состояли главным образом в неразборчивом адюльтере, чередовавшемся с многочисленными убийствами. У **Теренция** (древнеримский эпический поэт Публий Теренций Варон) читаем, как некий прелюбодей в свое оправдание ссылается на грех Юпитера: “*Если так действует бог, — говорил он, — то почему мне, человеку, не действовать так же?*”. “Если бы только я, — восклицал Антисфен, друг Сократа, — мог поймать Афродиту! Метательным копьем пронзил бы я ее за то, что она соблазнила у нас столько почтенных и прекрасных женщин”. Языческая теология с полным одобрением относилась к соблазнительным формам культа, являвшемся неотъемлемой частью язычества. **Плутарх**, например, считал “грязные” слова и такие же ритуальные действия средствами, чтобы задобрить, удовлетворить демонов. Неоплатонический автор трактата “О языческих мистериях пошел дальше — до идеализации культа фалла. Храмы служили местом для любовных интриг, и, как говорит христианский апологет **Марк Минуций Феликс** (+210 г.), блуд в языческих храмах развивался свободнее, чем в открытых публичных домах. **Лукиан** (около 120—180 гг. н. э.). упоминает об одной позорной похвале педерастии, что произносилась в форме речи в храмах во время богослужения. Хорошо известно также, какую роль играло вино, особенно на праздниках Диониса, когда считалось, что более всего угоден божеству тот, кто больше всех выпьет. Христианские апологеты с большей силой говорят о безнравственности языческих культов и мифов.

Но если в представлениях о языческих богах совершенно отсутствует всякий нравственный характер, то евангельский образ Христа Спасителя представляет недостижимый образец нравственного совершенства, являясь неиссякаемым источником нравственного вдохновения уже для двадцати веков. Христос в Евангелии представляет

Собою абсолютно святую Личность. На Его вопрос “Кто из вас обличит Меня в неправде?” (Ин. 8,46) — может быть только один ответ, который невольно вышел из уст Пилата: “Невиновен я в крови Праведника Сего...” (Мф. 27,24) и предателя Иуды: “Согрешил я предав кровь неповинную” (Мф. 27, 4). **Сенека** (+65 г.) говорил, что для того, чтобы быть успешным в добродетели, нужно беспрестанно лелеять в душе образ, “дух” какого-либо великого человека. “А если бы кто-нибудь, — говорит он далее, — увидел образ более возвышенный и блестящий чем обычно встречается между людьми, то разве он не остановился бы пред ним неподвижно, очарованный, как пред божеством. Тогда, увлеченный привлекательной добротой этого видения, он благоговейно упал бы на землю, и исполненный благоговейного страха, сказал бы: “Хвала тебе, кто бы ты ни был. О, смягчи наши страдания!”. Это предположение Сенеки, но в неизмеримо высшей степени, и в христианской проповеди: не великий праведник, не богоподобный человек, а Сам Бог явился реально во плоти, чтобы добровольно отдать Себя за мир, открылся миру, как любящая, живая, абсолютно святая личность. И по признанию многих мыслителей только Христос есть идеал человеческого совершенства. Образ Христа есть наилучший способ проверки человеческой совести. “Величие и благость Иисуса покрыли тенью все человеческие совершенства”. “Иисус есть чистейший между чистыми”. И этическое учение Христа является, безусловно, совершенным. **“Верить или не верить этой проповеди? — говорит С. Н. Трубецкой. — Во всяком случае, мы не можем отрицать ее как исторический факт нравственного порядка, как нравственную силу, явившуюся в истории и изменившую духовное состояние человечества...”**

ВОПРОСЫ:

1. Объясните, какой смысл вкладывает историческая наука в понятие «праоткровение».
2. Кто из древних писателей свидетельствовал о наличии праоткровения среди язычников?
3. Прокомментируйте слова св. ап. Павла: «язычники истину содержали в неправде».
4. Приведите примеры, отличающие веру от суеверия.
5. В чём отличие натуралистических от супранатуралистических религий?
6. Этика христианства и грубый натурализм язычества. Приведите примеры.